

Шаховский Виктор Иванович

профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник кафедры языкознания Волгоградского
государственного социально-педагогического университета
400131, г. Волгоград, пр-т Ленина, д. 27
shakhovsky2007@yandex.ru

**МОЖЕТ ЛИ ЛИНГВИСТИКА ПОВЛИЯТЬ НА ХОД
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ?**

(Лингвистические заметки о коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга 1 / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова (и др.); под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер.ун-т, 2017. 340 с.)

Выход в свет новой коллективной монографии является заметным явлением не только в теоретической, но и в прикладной лингвистике. Книга названа «Лингвистика информационно-психологической войны». Название краткое, но очень емкое. Актуальность данной книги – несомненна: в современном мире коммуникативные процессы как внутригосударственные, так и межгосударственные резко обострены негативными эмоциями: раздражением, гневом и даже агрессией [Шаховский 2016а; Волкова 2014 и др.]. В книге детально анализируются все аспекты информационного противоборства (война, поток, взрыв, бомба, атака, вброс, слив, провокация и др.).

Психологическая атмосфера в сегодняшнем планетарном объеме очень некомфортна. Это вызывает психоэмоциональное напряжение всех слоев населения разных стран, что не способствует оздоровлению как человека говорящего, так и того языка, на котором он общается. В книге очень успешно показана взаимозависимость этих двух значимых факторов современного состояния социального общества.

Книга «Лингвистика информационно-психологической войны» состоит из двух разделов. Каждый раздел включает в себя по 3 главы, которые, в свою очередь, делятся на подглавы. Такова структура монографии. В главе 1 раздела I «Общетеоретические проблемы и научные основания лингвистики информационно-психологической войны (лингвистики ИПВ)» [с. 7-152] рассматриваются общетеоретические вопросы информационно-психологической войны (далее ИПВ – *В.Ш.*): определения основных понятий, терминов, философские, психологические и политологические основания лингвистики ИПВ. Ключевым термином в книге является термин «*лингвистика войны*», раскрывается, какой именно войны – психологической, а также описываются ее релевантные признаки. Термин явно не научный, а метафоричный. Но в теоретической и прикладной литературе слово «лингвистика» в таком смысле используется давно: «лингвистика эмоций», «лингвистикалжи», «лингвистика общения» и др. Поэтому данная метафора уместна, поскольку в ней действительно анализируются все языковые уровни, включая стилистические: лексика, фразеология, грамматика, морфология и синтаксис. В

ней рассматриваются также медийный, политический и художественный дискурс. Очень убедительно на протяжении всей книги иллюстрируется выявленная научная основа лингвистики ИПВ в ее информационном аспекте.

Много места в данной книге уделяется тактикам и стратегиям ИПВ, их взаимодействиям, а также показано использование конкретных лингвистических и стилистических средств на примере самых современных противоборствующих медийных технологий («Новая газета», «Эхо», «Известия», «Советская Россия», «Сноб», «Коммерсант», «РБК», «Дождь» и др.); проанализированы также очень яркие и потому заметные художественные произведения Д. Быкова, А. Зиновьева, М. Шишкина и др.

При этом сопоставлялись и сравнивались не только российские оппозиционные источники, но и зарубежные: газетные статьи, «Хроники», публицистические работы, интернет-ресурсы и современная художественная литература. Напомню, что Интернет в последнее время официально включен в разряд СМИ.

Среди языковых средств ИПВ авторы большое место уделяют в своей книге роли языковой игры, которая позже получает скрупулезный и остро критический анализ через творчество М. Эпштейна (см. ниже). Специально рассматриваются и ономастические игры, используемые в ИПВ.

В разделе I поднимается чрезвычайно актуальная проблема идеологии «Путин» и «Путин-лидер нации», которая в последующей главе подробно раскрывается как основная мишень ИПВ.

В разделе II «Частные аспекты лингвистики информационно-психологической войны» [с. 153-189] раскрывается еще одна важнейшая мишень ИПВ – современный русский язык. Аргументируется важность этой мишени – ключевые словопонятия: русскость, русская нация, народ России, этнос, составляющие скрепы самой страны – Россия.

Показано, как эта проблема связана с проблемой национальной безопасности и проблемой русофобии (очень жаль, что в данном разделе не нашлось места проблеме языковой экологии, потому что и национальная безопасность, и русофобия несомненным смысловым компонентом имеют экологический компонент, тесно связанный с психоэмоциональным состоянием всего общества, т.е. с доминирующими эмоциями во всех видах коммуникации: межперсональном, групповом, институциональном, особенно медийном – и со всеми используемыми языковыми средствами). И больше всего непонятно, почему авторы упустили этот аспект именно в Год экологии, который в январе 2017 года объявил наш президент.

В параграфе 5.1. главы 5 раздела II анализируется актуальнейшая проблема: Россия как мишень ИПВ [с. 190-213]. Как пишет один из авторов рецензируемой книги, целью западно-европейской ИПВ является ослабление, а еще лучше исчезновение России как самостоятельного государства. Тактики и стратегии такой ИПВ автор иллюстрирует примерами художественно-публицистического произведения А.А. Зиновьева «Катастрожка». Главными из них являются: смысловые, эмоциональные, нравственные, исторические удары по репутационному имиджу России. Подчеркивается агрессивность критики перестройки, происходящей в России, нагнетаемая специальными языковыми

стилистическими средствами могучего русского языка.

Интересно заметить, что иллокутивная сила зиновьевского текста независимо от автора свидетельствует о мощном смысловом потенциале русского языка, что невольно прославляет сам язык и его воздействующую силу, к сожалению, направленную на озлобленную критику страны этого языка. Автор нашел удачный прием саморазоблачения А.А. Зиновьева через использование русского языка в его борьбе с великой Россией. Замечу, что только великая страна может создать и развивать такой великий язык, и автору удалось доказать тщетность усилий не только Зиновьева, но и других «борцов» против России как мишени своей несправедливой ИПВ.

Автор убедительно аргументирует свою критику Зиновьева, его беззастенчивую фальсификацию фактов далекой древности [с. 195 и др.]. Приводит конкретные примеры этой фальсификации через зиновьевские байки и богатый арсенал используемых им стилистических фигур с целью импрессии читателя.

Одной из стратегий книги Зиновьева, как показывает автор, является дискредитация через абсурдизацию России [с. 200]. Вся перестройка тогдашней России обозвана Зиновьевым блендизмом «Катастрофка». В его время это была одна из первых креативных, как результат игры с языком.

До с. 214 автор очень подробно и детально иллюстрирует весь арсенал измышлений Зиновьева в адрес ненавистной ему России, что не может не вызвать у российских граждан гневное отношение к автору, а у врагов России – злорадство по поводу неудач российской перестройки.

В таком же ключе детально анализируются публицистические «Хроники» и роман Д. Быкова «ЖД»: его тактики, стратегии, приемы, методики, стилистические средства, иронические и саркастические оценки успехов и неудач современной России [с. 214-240]. Автор раздела монографии доказывает конкретными примерами из публицистики Быкова, что Быков работает на два фронта. Читатель рецензируемой монографии получает исчерпывающее представление о серьезном и заинтересованном анализе информационно-психологической борьбы с тем, что писатель видит в современной России. Завершается этот раздел монографии сомнением ее автора: так Д. Быков «за» или «против» России? Настолько хитроумно Д. Быков переплетает тактики, стратегии и средства языка и стиля, форму и содержание эмоционально-смыслового наполнения многочисленных оценок: достижений и провалов.

Мне нравится, что авторы фактически признают высокий талант Д. Быкова как писателя-публициста. А это делает его эмоционально-воздействующую энергетику мощной силой ИПВ. Или, может быть, она *не* против России? Тексты Быкова, по моему мнению, можно рассматривать и как тексты человека-патриота, переживающего все то, что он видит в своей стране, на что он обращает внимание своих читателей и что он хотел бы исправить. Могу провести аналогию с неприятием большей частью нашего российского общества произведений А. Солженицына, который жестко критиковал нашу страну, и в прошлом, и в настоящем болея за ее судьбу. См., например, его «Как нам обустроить Россию», написанную после того, как он проехал всю страну с Дальнего Востока до Москвы и видел всё ее убожество.

Поэтому понятие ИПВ может быть амбивалентным: всё зависит от того, с каких позиций ее рассматривать – так один и тот же человек может называться и разведчиком (для своих), и шпионом (для противника). В любом случае анализ текста Быкова проведен в рецензируемой книге с высокой научной компетенцией.

Далее в коллективной монографии столь же тщательно проводится лингвостилистический анализ романа М. Шишкина «Венерин волос» [с. 240-254]. Автор этого параграфа находит в его романе признаки, симптомы и черты ИПВ против России. И также, как в случае с Д. Быковым, автор не оспаривает художественного достоинства произведения М. Шишкина, что указывает на его непредвзятость по отношению к творчеству самого писателя.

По результатам анализа творчества трех писателей автор делает очень справедливые выводы: художественная литература при определенных условиях – один из мощных каналов ведения ИПВ [с. 254]. Завершается рецензированная монография главой 6 «Православие как мишень информационно-психологической войны» [с. 255-307], в которой в качестве мишени ИПВ является православие (РПЦ).

Начинается эта глава с уяснения причин выбора православия в качестве мишени ИПВ. Их семь [с. 255-257]. С каждой из этих причин надо согласиться, т.к. роль православия в исторической судьбе России несомненно велика (была и остается такой).

Единственное, что, по моему мнению, может вызвать недовольство некоторой части читателей, так это всё усиливающиеся попытки РПЦ вмешиваться в светскую жизнь государства: образования, медицины, искусства, внутреннюю и внешнюю политику, а также отход некоторых священнослужителей от скромного монашеского стиля и их повышенный интерес к материальной стороне жизни.

Примечательными представляются и обсуждаемые далее в монографии вопросы о разграничении критики РПЦ и ИПВ против нее. Действительно, порой очень трудно эти два понятия разграничить. Именно это я отмечал выше, когда писал о творчестве Д. Быкова. И в том, и в другом, а также во многих других, случаях критику можно принять и как ИПВ, и как патриотизм, поскольку язык и стилистические средства в обоих случаях могут быть одними и теми же. Всё зависит от отношения рецензента к автору текста и от его целеполагания (или спецзадания от начальства), а также от референтных групп, читающих эту книгу.

Как лингвист, оппонировавший по многим диссертациям, монографиям, статьям, я точно знаю, что один и тот же текст можно и защитить, и провалить. Поэтому мне кажется неоправданным привлечение лингвистов-экспертов к участию в рассмотрении судебных исков по защите чести и достоинства: в любом тексте можно найти доводы как pro, так и contra.

Отмечу также справедливость ремарки автора данного параграфа монографии о том, что «незнание народом элементарных основ православия и наличие о нем искаженного представления способствуют успешной реализации информационно-психологических атак» [с. 263]. По крайней мере, эта ремарка относится и лично ко мне: всю последнюю главу я читал с наибольшим интересом и увлечением, т.к. именно из нее я узнал много неизвестного мне ранее о православии и РПЦ, что оказало влияние на мое отношение к ней. За это автору моя личная

благодарность.

Далее в книге подробно анализируются многочисленные посягательства на церковно-славянский язык, который тоже выступает в качестве мишени ИПВ. В книге приводятся конкретные неоспоримые доказательства этих посягательств, которые, конечно же, неизвестны современному поколению, особенно молодому, граждан России. В этом смысле данный раздел выполняет функцию ликбеза, т.е. просветительскую функцию, за что также надо поблагодарить автора соответствующего параграфа монографии.

Автор категорически и убедительно возражает против обновления языка богослужений, т.к. обновление значительно снижает возвышенную стилистику и сакральность всего богослужебного процесса. С этим мнением невозможно не согласиться. Нельзя также не согласиться с тем, что старославянский язык оказывает положительное влияние на современный русский язык и его функционирование, обогащает его лексико-фразеологически. Это, в свою очередь, повышает общую культуру речи, которая очень снизилась за счет медийного дискурса и интернет-дискурса, особенно в эстетическом отношении, что отмечается многочисленными исследованиями [Шаховский 2007: 40-45; Сковородников 2013: 347-356].

Представляется сомнительным призыв автора реанимировать и вернуть в стилистику современного русского языка ряд церковно-славянских номинаций. Изменилось время, изменился культурный дискурс. Научно-технический прогресс также наложил свои многочисленные отпечатки на систему русского языка. Поэтому реанимация архаизмов, не соответствующих общему тренду семиотической динамики русского языка, вызовет их неприятие и неживляемость в современных коммуникациях.

В кратком заключении [с. 308-309] авторы еще раз подчеркивают, что ИПВ является как внешней, так и внутренней агрессией против России, ее языка, ее лидера и ее духовности. Это необходимо объяснять всему миру и гражданам нашей страны, в чем авторы, несомненно, правы и достойны всяческой поддержки.

Наряду с отмеченным, обращаю внимание на некоторые возражения авторам монографии: как, на мой взгляд, положительные, так и вызывающие сомнение и дискуссию. Повторю еще раз: несомненный плюс книги – неоднократный возврат ее авторов к главному концепту «лидер нации» как к идеологеме. Приводятся аргументы в пользу его ценности, как положительные, так и отрицательные, через приводимую открыто критику «домашней» и «внешней» оппозиции [с. 7, 131, 133, 135, 143, 144, 152].

Такой добросовестный подход позволяет читателю сопоставить положительную ценность данной мишени ИПВ с точки зрения внутрirosсийской и зарубежной прессы, а также ее критики аналогично – с точки зрения внутреннего и внешнего оценивания. Мне представляется, что такая объективность впервые представлена в научной публикации монографического типа.

Авторы берутся за пока неразрешимую проблему о разграничении понятий нации, государства, этноса и самоидентификации [с. 156 и др.]. Как мне показалось, они с этой задачей не справились, но хорошо уже то, что они в очередной раз подняли эту проблему. В современном мире эта проблема является острозаточенной и очень болезненной, как внутри нашей страны, так и за ее пределами.

Много страниц книги посвящено нашей духовной скрепе – великому русскому языку и его изменению во всех видах общения. Чувствуется боль авторов и их переживания по поводу тех негативных процессов, которые происходят в нашем языке. Приводится цитата из Н.В. Гоголя о величии русского языка [с. 166], которая контрастирует с оценкой современного русского языка как в самой стране, так и за ее пределами: репутационная составляющая его очень низка. На это указывают процессы перехода с кириллицы на латиницу (даже в бывших братских советских республиках) и отказ от преподавания русского языка в зарубежных странах и государствах. А ведь русский язык продолжает оставаться одним из мировых языков.

Я не согласен с однозначным мнением автора раздела монографии об М. Эпштейне. Я давно цитирую его изобретения в лексике и фразеологии русского языка, которые я назвал креотемами [Шаховский 2016б: 324-333]. Да, он уехал из страны, как и некоторые другие выдающиеся лингвисты и лингвофилософы. Да, он критически оценивает то, что происходит в нашей стране. Не он один. Авторы монографии назвали также Зиновьева, Шишкина и Быкова. А можно было бы назвать и десяток других авторов и сатириков. Среди оппозиционных СМИ также можно было бы назвать не только «Эхо», но и «Дождь», «РБК», «Новую газету», «Ведомости», «Известия», «Советскую Россию», «Коммерсант» и многие другие, а также плеяду «живых гвоздей» – оппозиционеров. Это увеличило бы масштаб критического осмысления внутри внешнеполитической и культурно-экономической жизни страны.

На этом фоне личность Эпштейна-оппозиционера значительно меркнет. Его роль в воздействии на современный русский язык я вижу прежде всего в том, что он расширил границы словопроизводства (словообразования и словопреобразования) русского языка через внедрение в его систему блендинга. Должен заметить, что еще в 90-х годах прошлого века журналисты широко использовали языковую игру в названии своих статей. На эту тему написано много диссертаций и даже монографий [Санников 2002]. Как правило, они были посвящены проблемам экспрессивизации и усиления стилистической окрашенности с целью их фасцинации и прагматики. Мне тогда еще неизвестна была фамилия Эпштейна, но у меня тоже есть статьи и диссертации на эту тему.

М. Эпштейн действительно спровоцировал процессы игры с языком и языковой игры. С тех пор она получила широкое распространение в силу своей карнавальности, развлекательности, эмоционализации общения всех видов, вплоть до научного дискурса. Этот процесс затребовало само время общения людей, которое возвратило лозунг Хейзинга: «Живи, играя». Так что не виноват, по-моему, М. Эпштейн в разрушении русского языка, ибо он его не разрушает, а глобализует. А глобализация – всемирный универсальный процесс: благодаря ему общение стало интереснее и включилось в глобальный коммуникативный тренд всемирной аккультурации.

Могут также провести параллель между ролью М. Эпштейна и ролью американизмов в порче русского языка, о которой столько было криков в нашей отечественной лингвистике в конце прошлого и в самом начале нынешнего века. Но американизмы повысили общую культуру устной и письменной речи, особенно

в процессах компьютеризации и интернетизации России. А всё вредное русский язык сам отбросил от себя точно так же, как в прежние века произошло с немецким и французским языками. Поэтому повторю: данный автор рецензируемой монографии недостаточно справедлив в своей критике в адрес М. Эпштейна, крупнейшего русского лингвофилософа [с. 173, 178, 185, 186, 187, 188 и др.].

В связи с этим считаю необходимым напомнить авторам монографии, что не все критики и оппозиционеры не являются патриотами нашей Родины. Каждый из них хотел бы, чтобы она жила лучше. А вот их методы критики не всегда адекватны. Не зря существует понятие «лжепатриот»: на словах такие люди – патриоты, а на деле – наоборот. Свидетельством чему являются бесчисленные аресты чиновников властных структур, которые все должны являться патриотами.

Кратко остановлюсь на некоторых других моментах, влияющих на восприятие читателями мыслей и идей про ИПВ авторов данной монографии. Отмечу высокий научный уровень их презентации, экспрессивную тональность стилистики монографии, глубокую убежденность авторов разделов в своей правоте (аргументации). Книга читается, в основном, легко, но не всегда и не везде. Так, во многих местах книги был замечен тяжелый синтаксис [с. 133, 266, 171, 172], обилие цитат, использование авторами местоимений то «я», то «мы» и др.

Отмечу как плюс неоязыковеды авторов монографии цитировать нелицеприятную критику руководства страны, правительства по конкретным внутриэкономическим и политическим фактам в публикациях оппозиционных СМИ. Этим самым авторы пытаются в отличие от многих официальных СМИ представить действительную современную реальность в мировидении различных представителей гражданского общества. И тут же авторы монографии показывают несостоятельность этой критики, что, правда, не всегда звучит убедительно.

На фоне общего мирового тренда экологизации общения и лингвистической реальности неэкологичной коммуникативной практики мне кажется несправедливым, что именно красноярские авторы не уделили должного внимания проблемам неэкологичного использования языка в ИПВ. Возможно, что авторы по данной проблеме планируют выпуск отдельного тома своих исследований, что соответствовало бы общему интересу современной лингвоэкологии, в том числе и эмотивной [Эмотивная лингвоэкология 2013]. Я абсолютно уверен, что и информация, и пропаганда, и контрпропаганда могут и должны вестись в экологичных терминах, через экологичный язык и стиль (не опуская этических норм).

Примечательно, что данная книга является креолизованным текстом как с экологичными, так и неэкологичными фоторепродукциями [с. 116 – стриптизер, 118 – фашингтон, 119 – Псахи, 124, 126, 127 – Яценюк, 141 – Путин и Саркози, 142 – Путин и Обама и др.]. Этот факт повышает привлекательность книги. Повышают такую привлекательность и иллюстрированные креатемы: эпонимы в функции обзывалок, прозвищ и т.п. [с. 123].

Закljučая свои размышления о выходе несомненно интересного и полезного исследования, необходимо отметить громадный добросовестный труд авторского коллектива, его желание представить объективную картину ИПВ сегодняшнего дня, ее объемный исторический очерк. Читатель несомненно получит панорамную

картину ИПВ, отражающую дух, а также ее материальность.

Положительным в книге является постоянное стремление авторов воздействовать на читателя с помощью различных стилистических средств: эпитетов, сравнений, метафор, образов [с. 75, 9, 10, 13]. Авторы по ходу анализа событий и фактов постоянно объясняют используемые новые терминопонятия, дают свои толкования, свои рабочие определения [например: демагогии – с. 67, лести – с. 68, тактики и стратегии – с. 78, 143, 237, патриотизма – с. 81, идеологемы – с. 133, концепта – с. 133, рефрейминга – с. 141, переидентификации – с. 168, национальной безопасности – с. 172].

Рецензируемая коллективная монография выполнена в двух современных научных парадигмах: коммуникативной и политической лингвистиках.

Прочтение монографии и критики оппозиции в адрес состояния русского языка, экономики и медицины страны вызывает у читателя естественный вопрос, который, к сожалению, не находит ответа в несомненно полезной и своевременной монографии красноярских ученых: не пора ли пересмотреть заново Закон о современном русском языке и его экологии? Можно надеяться, что данная проблематика получит свое дальнейшее исследование и презентацию перед научной общественностью.

Считаю, что не только научная общественность, но и журналисты всех СМИ найдут много полезного и интересного в рецензируемой монографии и будут искренне благодарны ее соавторам.

Литература

Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: диссертация. Волгоград, 2014. 430 с.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд. М.: Языки славянских культур, 2002. 552 с.

Сквородников А.П. Конфликт этического и эстетического в художественных и публицистических текстах как проблема эколингвистики (субъективные заметки) // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике. 2013. С. 347-356.

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография. Волгоград, 2016а. 504 с.

Шаховский В.И. Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. 2016б.

Шаховский В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства // Мир русского слова. 2007. № 1-2. С. 40-45.

Хёйзинга Й. Homo Ludens. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград: Перемена, 2013. 450 с.

Эпштейн М.Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитное общество // Знамя. 2007. № 3. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamja/2007/3/ep18.htm> (дата обращения 14.05.2016).

References

Volkova, YA.A. (2014) Destruktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte [Destructive Communication in Terms of Cognitive Discourse]. Volgograd, 2014. 430 P. Print. (In Russian).

Sannikov, V.Z. (2002) Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry. 2-e izd. [The Russian Language as a Reflection of Language Game] YAzyki slavyanskih kul'tur. 552 P. Print. (In Russian).

Skovorodnikov, A.P. (2013) Konflikt eticheskogo i esteticheskogo v hudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstakh kak problema ekolingvistiki (sub)ektivnye zametki [A Conflict between Ethic and Aesthetic Aspects in Literary and Journalistic Texts as an Ecolinguistic Object]. «Chelovek v kommunikatsii: ot kategorizatsii emotsiy k emotivnoy lingvistike» [Human Communication: From Emotions Categorization to Emotive Linguistics], 347-356. Print. (in Russian).

Shakhovskiy, V.I. (2016) «Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krug: chelovek, yazyk, emotsii» (monografiya) [Circle of Communication and Its Ecolinguistic Dissonant] Volgograd. 504 P. Print. (In Russian).

Shakhovskiy, V.I. (2016) Kreatemy v modeli yazykovogo soznaniya russkikh [Createmes in the Russian Language Consciousness]. ZHurnal «Voprosy psiholingvistiki» [Journal of Psycholinguistics] Moscow. Print. (In Russian).

Shakhovskiy, V.I. (2007) «Unizhenie yazykom v kontekste sovremennogo kommunikativnogo prostranstva» [Humiliation by Language in the Context of Modern Communication]. «Mir russkogo slova» [Journal of Applied Science World of the Russian Language] Vol.1, 2, 40-45. Print. (In Russian).

Huizinga, Johan (1997) «Homo Ludens» Moscow: Progress — Traditsiya. 416 P. Print.

Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve (2013) [Emotive Lingvoecology of Modern Communication] Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena». 450 P. Print. (In Russian)

Epshteyn, M.N. (2007) O tvorcheskome potentsiale russkogo yazyka. Grammatika perekhodnosti i tranzitnoe obshchestvo [On Creative Potential of the Russia Language]. Znamya [Literary and Socio-political Journal] 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamja/2007/3/ep18.htm> (retrieval date: 14.05.2016)

Yazyk i ekologiya: kommunikativnaya praktika [Language and Ecology journal] Krasnoyarsk: KGU. 2014, 2015, 2016, 2017. Printed. (In Russian).